

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

О.В. Ермакова

**Основные тенденции моделирования
составов преступлений в уголовных законах
Российской Федерации и зарубежных
государств: сравнительно-правовой аспект**

Учебное пособие

Барнаул 2022

УДК 343.23(075.8)

ББК 67.408я73

Рецензенты:

Шатилов С.Н. – начальник кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел, канд. юрид. наук, доцент;

Деревянская Т.П. – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, канд. юрид. наук.

Ермакова, Ольга Владимировна.

Е 721 Основные тенденции моделирования составов преступлений в уголовных законах Российской Федерации и зарубежных государств: сравнительно-правовой аспект : учебное пособие / О.В. Ермакова. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – 51 с.

ISBN 978-5-94552-516-0

В учебном пособии проведено сравнительно-правовое исследование конструкций конкретных составов преступлений, используемых в уголовных законах различных государств. Отдельное внимание автором уделено современным тенденциям моделирования составов преступлений в российском и зарубежном законодательстве.

Пособие может быть использовано в образовательных организациях высшего образования системы МВД России, а также работниками правоохранительных органов, осуществляющими раскрытие и расследование преступлений (органами предварительного расследования, участковыми уполномоченными полиции, сотрудниками уголовного розыска). Кроме этого, пособие может быть полезно преподавателям и научным сотрудникам образовательных и научно-исследовательских центров (организаций) МВД России.

УДК 343.23(075.8)

ББК 67.408я73

ISBN 978-5-94552-516-0

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2022

© Ермакова О.В., 2022

Введение

Действующий Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) отличается нестабильностью, поскольку на сегодняшний день количество внесенных в него изменений и дополнений превышает тысячу.

При этом принимаемые уголовно-правовые нормы зачастую противоречат друг другу, отличаются сложностями в толковании, что, несомненно, приводит к проблемам квалификации преступлений. Такое положение привело к необходимости создания нового уголовного закона (о чем уже неоднократно заявляли высшие должностные лица государства).

Однако полагаем, что само по себе принятие другого закона не исправит существующее положение, поскольку необходимо критическое осмысление тех просчетов и ошибок, которые допущены законодателем.

Главное, что обращает на себя внимание при анализе Особенной части УК РФ, – это разнообразие представленных предписаний, выражающееся как в различиях в описании деяния, так и в количественных вариациях обязательных признаков, указанных в норме. При этом даже схожие деяния отражаются в нормах закона неодинаково.

Сказанное свидетельствует о хаотичности принимаемых положений уголовного закона, отсутствии какой-либо общей теории создания уголовно-правовых норм. Хотя необходимо отметить, что разработка самого понятия «состав преступления» активно осуществлялась еще в досоветский и советский периоды (А.Н. Трайнин, В.Н. Кудрявцев, А.А. Пионтковский и др.).

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости создания единой концепции моделирования состава преступления. При этом ценность такой теории будет проявляться только в том случае, когда законодательный материал получит качественное единообразие в нормах УК РФ.

Глава 1. Теория моделирования состава преступления: основные положения

Термин «состав преступного деяния» получил свое распространение в XVIII-XIX вв. и являлся производным от немецкого слова *thatbestend* либо от латинского *corpus delicti*¹.

При этом изначально как в римском праве, так и в германской литературе данный термин имел исключительно процессуальное толкование, означая следы, которые оставляет преступное деяние². Указанное процессуальное происхождение термина «состав преступления» сохраняется и после его трансформации в отрасль уголовного материального права (в начале XIX в.) даже в современных зарубежных источниках³.

К тому же в научной литературе того времени наблюдается узкое понимание состава преступления, заключающееся в его отождествлении исключительно с признаками, характеризующими действие⁴.

Несмотря на то, что российское уголовное право заимствовало учение о составе из германской теории, в русской дореволюционной научной литературе состав трактовался более глубоко и системно – как совокупность объективных и субъективных элементов⁵. Такой подход, безусловно, является более правильным, поскольку действие и субъект, его совершивший, всегда неразрывно связаны. А «„чистого“, лишенного определенных субъективных черт действия как элемента состава в уголовном праве не существует»⁶.

¹ В современной зарубежной уголовно-правовой науке явно преобладает использование термина *corpus delicti*.

² На такое значение состава преступления указывал Н.Д. Сергеевский. См.: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. Петроград, 1915. С. 46, 217.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Т. 1. Часть Общая. С.-Петербург, 1902. С. 366.

⁴ Именно такой подход наблюдается в работах Фейербаха, Штюбеля, Бернера. См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 21-22.

⁵ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Киев, 1903. С. 105; Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1891. С. 59.

⁶ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 69.

В советский период теория состава преступления достигает своего расцвета, что находит отражение в издании ключевых монографий¹.

Идеи, заложенные в данных работах, составляют основу понимания состава преступления, существующего в современной науке уголовного права. В частности, состав традиционно понимается как совокупность объективных и субъективных признаков, с помощью которых законодатель определяет деяние в качестве преступления².

На фоне устоявшегося признания состава преступления в российском уголовном праве высказываются мнения о надуманности и ненужности данной теории³. Не оспаривая важности и значимости каждой позиции, полагаем, что в случае отказа от понятия состава преступления науке будет необходима теория (ее название может быть различным⁴), которая своей «простотой и наглядностью облегчает познание юридической структуры столь сложного явления, каким является преступление»⁵. Целесообразность такой замены достаточно сомнительна, тем более что уже несколько столетий доказывается эффективность ее разработки и развития.

Однако комплексных современных исследований наукой уголовного права фактически не проводится, что негативно сказывается на развитии и совершенствовании уголовного законодательства. И это несмотря на то, что понимание сущности состава преступления, соотношения с преступлением, структуры на настоящий момент следует признать весьма дискуссионным. Соответственно, только уяснение понятия и сущности состава преступления, как центральной категории уголовного права, позволит перейти на следующий уровень, связанный с особенностями его построения.

¹ См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960 и т.д.

² См.: Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 164.

³ Масштабная критика теории состава преступления представлена А.П. Козловым. См.: Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 169.

⁴ А.П. Козлов использует термин «структура преступления». См.: Козлов А.П. Понятие преступления. Схожую позицию занимает П.Н. Нестеров, рассматривая состав преступления в качестве структуры общественно опасного поведения, составляющего содержание преступления. См.: Павлухин А.Н. Общественно опасное поведение и его уголовная противоправность: монография. М., 2007. С. 41.

⁵ Ной И.С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 99.

По своей правовой природе состав преступления следует признать конструкцией (от лат. constructio) – устройство, модель общественно опасного деяния, выступающая средством юридического выражения данного деяния в нормах уголовного закона.

Несмотря на то, что в российской науке уголовного права понятие состава преступления было единообразным в различные исторические периоды, его структура значительно различалась.

Структурно состав преступления представляет собой сложное образование, состоящее из элементов и признаков.

Понятия элемент и признак не являются тождественными¹, поскольку в соответствии с семантическим значением под элементом необходимо понимать «часть какого-либо сложного целого», а признак – как примету, знак, черту².

Количественный показатель составных частей состава преступления, т.е. элементов, в различные исторические периоды различался.

В частности, в первых работах упоминается трехэлементное деление: деяние, лицо, его совершившее, и объект преступного посягательства³.

А.А. Герцензон предлагал двухзвенную структуру состава, включив в него объективную и субъективную стороны⁴.

В современной науке представлена четырехэлементная структура, подразделяющая состав преступления на элементы, характеризующие объект, объективную и субъективную стороны, а также субъект преступления⁵.

Особого внимания заслуживают критические замечания по поводу включения в состав отдельных элементов. Например, А.П. Козлов выступает против отнесения объекта, т.е. нормально и реально существу-

¹ Некое смешение понятий «элемент» и «признак» наблюдается в монографии А.Н. Трайнина: «...элементами состава преступления являются указанные в законе признаки...». См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 86.

² Новый толковый словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2000.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Т. 1. Часть Общая. С. 367; Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. С. 216-217.

⁴ См.: Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая. М., 1948. С. 285.

⁵ Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2018. С. 103 и т.д.

ющих общественных отношений, в структуру состава преступления¹. Полагаем, что любое поведение, в т.ч. асоциальное, направлено на нарушение каких-либо отношений, соответственно, изолировать преступление и данные, поврежденные им общественные отношения нельзя. Тем более характеристика самого акта человеческого поведения, существующего в реальной действительности, не обходится без привязки к конкретным отношениям, которым причиняется вред.

Таким образом, четырехэлементное деление состава преступления полностью соответствует структуре реально совершенного деяния и позволяет отразить его внешнюю и внутреннюю характеристику.

В свою очередь, признаки состава преступления характеризуют сущностные особенности того или иного элемента. В научной литературе традиционным представляется их деление на обязательные и факультативные².

Необходимость такого деления подчеркивается тем обстоятельством, что состав преступления, как бы полно и разносторонне он ни был сконструирован, не может включать в себя всех без исключения признаков. Определяя состав того или иного преступления, законодатель неизменно производит отбор признаков³. В обратном случае состав превратился бы в детальное изложение какого-либо отдельно взятого события.

Признаки, которые проявляются в любом деянии, без которых описание преступления невозможно, относятся к числу обязательных. Если же признак проявляется лишь в отдельном деянии и не характерен для остальных случаев, то он факультативный.

В.И. Курляндский в ранних своих трудах говорил о существовании не только основных и специальных признаков (в используемой нами терминологии *обязательные* и *факультативные*), но и добавлял третью группу – признаки, положительно характеризующие виновного, которые лежат вне состава, но чрезмерно влияют на степень общественной опасности. Однако в более поздних трудах автор отказался от

¹ См.: Козлов А.П. Понятие преступления. С. 176.

² В научной литературе обязательные признаки иногда именуются основными. См.: Козлов А.П. Понятие преступления. С. 189. Однако полагаем, что использование данного термина не отражает необходимость, важность таких признаков.

³ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 74-75.

такого выделения¹, что представляется рациональным, т.к. такие признаки в своей основе влияют на назначение наказания.

Детальное исследование проблем состава преступления свидетельствует о том, что в научном сообществе достигнуто единообразие во мнениях только по количественному компоненту выделяемых элементов и их терминологическому обозначению. В свою очередь, содержание элементов и признаки, характеризующие объект преступления, объективную сторону, субъекта и субъективную сторону, уже не одно десятилетие вызывают дискуссию.

Так, понимание объекта преступления выражено различными теориями, представители которых высказывают диаметрально противоположные взгляды. При этом вопросы, касающиеся объекта преступления, нельзя сводить только к самому понятию, т.к., помимо его сущности, сложности представляет структура, а также отграничение от смежных категорий. Однако необходимо уяснить, что это уже второстепенные проблемы, решение которых будет зависеть от того, что понимать под объектом преступления.

В наиболее общем варианте объект представляет собой то, что охраняется уголовным законом и чему причиняется вред в результате совершения преступления или создается угроза причинения вреда. Иначе говоря, то, на что посягает деяние.

Стремление ученых в различные исторические периоды конкретизировать такое обобщенное понимание, наделив его конкретным содержанием, не привело к созданию единой теории, а проявилось в множестве позиций.

Так, Н.С. Таганцев под объектом понимал заповедь или норму права, нашедшую свое выражение во входящем в сферу субъективных прав, охраненном этой нормой интересе жизни².

Представленная трактовка была подвергнута критике с тем обоснованием, что объект есть то, чему причиняется вред, а уголовно-правовая норма не подвергается негативному воздействию³.

Н.Д. Сергеевский указывал на двойственность понимания объекта: во-первых, это предмет посягательства, а во-вторых, интерес всего об-

¹ См.: Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. С. 179.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Т. 1. Часть Общая. С. 484.

³ См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 175.

щежития, нарушаемый неисполнением соответствующего предписания закона¹.

В советский период традиционно под объектом понимались общественные отношения. При этом активное использование данного понятия распространяется с Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., где преступление понималось как нарушение общественных отношений².

Трактовка «объект – общественные отношения» распространена и в современной научной литературе³. Однако наряду с таким пониманием наука уголовного права изобилует и другими концепциями: это человек⁴, блага⁵ и т.д.

Кроме того, если в советское время представление об объекте как об общественных отношениях считалось единственно верным, то в последние годы оно все чаще подвергается критике. В частности, А.А. Тер-Акопов утверждает, что такой подход не может считаться удовлетворительным, поскольку за общественными отношениями всегда скрываются действительные ценности, которые важнее самих отношений; кроме того, по такому объекту невозможно измерить причиненный вред⁶. Полагаем, последний аргумент не совсем точен, поскольку измерение вреда возможно не во всех преступлениях, а только лишь в определенных разновидностях, например, достаточно проблемно определение нематериального вреда.

¹ См.: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. С. 244.

² См.: Горбуза А.Д., Сухарев Е.А. Структура преступления // Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе. Свердловск, 1986. С. 18. Однако впоследствии, уже в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., законодатель отошел от понятия «общественные отношения».

³ Никифоров Б.С. Место объекта в общем определении преступления по советскому уголовному праву // Советское государство и право. 1958. № 8. С. 29; Винокуров В.Н. Объект преступления как двухуровневая система и квалификация деяний // Современное право. 2017. № 10. С. 131. См. также: Винокуров В.Н. Предмет отношений как видовой объект преступления и способы его установления // Современное право. 2018. № 3. С. 87-94.

⁴ См.: Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 65-68.

⁵ Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. М., 1999. Т. 1: Общая часть. С. 157.

⁶ См.: Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 29.

Соответственно, отступление от классической теории объекта преступления в настоящее время еще не получило достаточной аргументации.

Однако даже в том случае, если однозначно под объектом понимать общественные отношения, проблема данного элемента состава этим не ограничится. В конструкции состава преступления объект должен приобрести индивидуальные черты. Но сам закон об объекте преступления фактически не дает представления. Наглядно это проявляется при анализе Особенной части УК РФ. В частности, в гл. 23 и 30 УК РФ законодатель употребляет термин «интересы», в гл. 19 указывается на «конституционные права и свободы» и т.д.

Таким образом, законодателю следует сформировать собственное представление относительно объекта, в соответствии с которым и отражать данный элемент состава в уголовном законе.

На наш взгляд, концепция «объект – общественные отношения» в полной мере отражает сущность рассматриваемого элемента, соответствует характеристике деяния как явления социальной действительности, доступна для познания и пригодна для юридического выражения объекта в законе.

Помимо сущностного понимания объекта, сложной проблемой видится соотношение понятий «объект преступления» и «объект уголовно-правовой охраны». В научной литературе достаточное распространение получила позиция, что объект уголовно-правовой охраны – более широкое понятие¹. Соглашаясь с данным выводом, следует аргументировать это утверждение такими доводами: объект уголовно-правовой охраны – более глобальное понятие, содержащее те ориентиры, которые охраняются в тот или иной период нормами уголовного закона. Распределение объектов уголовно-правовой охраны в определенной последовательности оказывает решающее влияние на построение уголовного закона. В свою очередь, объект преступления – это те отношения, которым причинен вред при совершении конкретного деяния.

Факультативными признаками объекта преступления традиционно в науке выделяют предмет преступления и потерпевшего².

¹ См.: Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 32.

² См.: Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2015. С. 108.

Предмет преступления есть то, по поводу чего и в связи с чем совершается преступление¹.

Понимание предмета преступления, как и объекта, нельзя признать единообразным, что объясняется следующими обстоятельствами:

1. Необходимость такого признака, как предмет, длительное время научным сообществом ставилась под сомнение. Возможно, именно поэтому в научных источниках предмету уделено лишь небольшое внимание.

Отнесение данного признака к объекту преступления также подверживалось не всеми учеными².

В этой части полагаем, что предмет обоснованно выступает признаком объекта преступления, поскольку он показывает по поводу чего совершается преступление, находится с объектом в одной плоскости³. При этом не верно отождествлять объект преступления и предмет (о чем говорили еще досоветские ученые Н.С. Таганцев⁴, А.Н. Трайнин⁵ и др.).

Полагаем, что именно предмет конкретизирует объект преступления, отражая размер причиненного общественным отношениям вреда. Однако указанная способность предмета проявляется не во всех преступлениях, именно поэтому данный признак состава относится к числу факультативных.

2. Разновидности предметов преступления также не находят однозначного понимания.

Так, Н.И. Коржанский предлагал все предметы подразделять: на материальные (предметы материального мира); родовые – человек, растения, животные, вещи; видовые – тело и психика, животные (выра-

¹ Преступление и состав преступления как основополагающие категории уголовного права: учебное пособие / О.В. Ермакова, И.В. Ботвин, О.Н. Штаб, Л.Я. Тарасова и др. Барнаул, 2019. С. 46.

² Отдельные авторы вообще рассматривали предмет в рамках объективной стороны. См.: Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 168-174; Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 205.

³ А.П. Козлов, разделяя мнение о нетождественности объекта и предмета, считает, что эти категории располагаются вне преступления. См.: Козлов А.П. Понятие преступления. С. 271.

⁴ Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Кн. 1. СПб., 1874. С. 178-179.

⁵ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 174.

щенные человеком и дикие); имущество, деньги, документы, оружие и иные¹. Соглашаясь с возможностью существования расширенного перечня предметов, полагаем, что ошибочно относить к разновидностям человека², поскольку более точно и корректно в этих случаях говорить не о предмете, а о потерпевшем.

Значимость представленной Н.И. Коржанским классификации в том, что предмет нельзя ограничивать вещным признаком (хотя в научной литературе эта позиция была распространена долгое время)³, это могут быть и информация (ст. 128.1, 275-276 УК РФ), и права, присущие личности (ст. 146, 147 УК РФ), и услуги (ст. 290 УК РФ). В тех преступлениях, которые посягают на человека, предметом могут выступать тело (либо отдельные его части), а также психика.

Широкое понимание предмета преступления актуализирует вопрос существования беспредметных преступлений, ответ на который в научной литературе представлен двумя противоположными позициями⁴. На наш взгляд, наличие беспредметных преступлений доказывается строением самого объекта преступления и механизмом причинения ему вреда. В частности, преступление может нарушать любой из блоков общественных отношений, и не во всех случаях таковым является предмет.

Кроме того, если признать необходимость предмета для любого состава преступления, значит, следует вводить данный признак в число обязательных и требовать его установления для квалификации деяния. Например, в этом случае в составе угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью появится такой признак, как психика человека, на которую направлено воздействие, что явно негативно отразится на правоприменительной деятельности, т.к. данное понятие не имеет четких критериев установления.

¹ Коржанский Н.И. Предмет преступления. Волгоград, 1976. С. 18-19.

² Там же. С. 18.

³ Напр.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 206.

⁴ Утвердительный ответ на данный вопрос дает В.К. Глистин (см.: Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. С. 48), аргументируя свою позицию тем, что общественное отношение не может существовать без предмета вреда. В противовес данной точке зрения Н.И. Коржанский утверждает о наличии беспредметных преступлений, в качестве примера приводя совершаемые путем бездействия. См.: Коржанский Н.И. Предмет преступления. С. 14.

Помимо предмета преступления, к числу признаков, относящихся к объекту, следует относить потерпевшего.

Данному признаку в научной литературе также не уделяется должного внимания, хотя в последние годы развитие получает наука виктимология, изучающая жертву преступления и даже претендующая на самостоятельность¹.

Содержание понятия «потерпевший» раскрывается в своей основе в уголовно-процессуальном законодательстве. В частности, в ст. 42 УПК РФ закрепляется, что это физическое или юридическое лицо, которому преступлением причиняется вред².

В советский период признак потерпевшего относился к характеристике объекта преступления, а также объективной стороны³.

Ограничение его характеристики рамками объекта, наиболее распространенное в современном уголовном праве, объясняется тем обстоятельством, что потерпевший выступает участником общественных отношений, которые нарушаются совершением преступления.

В отдельных случаях встречается совпадение предмета преступления и потерпевшего. Например, такая ситуация имеет место в преступлениях против личности, которые совершаются по поводу человека (это и есть характеристика предмета), и он же выступает потерпевшим.

Однако это не означает тождественности данных признаков, различие в которых явно наблюдается в составе кражи, где предметом выступает имущество, а потерпевшим – собственник или иной владелец.

Исходя из представленных доводов, потерпевший есть лишь факультативный признак состава преступления.

Ввиду многочисленности и разносторонности признаков потерпевшего, они нуждаются в систематизации. При этом классификация может проводиться по различным основаниям:

1. Признаки, характеризующие личность потерпевшего:

- социально-демографические (пол, возраст и т.д.);
- социально-ролевые (род занятий, семейно-родственное положение и т.д.).

¹ См.: Потерпевший от преступления / отв. ред.: П.С. Дагель, Р.И. Михеев. Владивосток, 1974. С. 6-7.

² Ранее согласно ст. 53 УПК РСФСР потерпевшим признавалось только физическое лицо.

³ См.: Потерпевший от преступления. С. 23.

2. Признаки, характеризующие поведение потерпевшего:

- правомерное (например, выполнение потерпевшим своей законной деятельности в составе преступления, предусмотренном ст. 317 УК РФ);
- неправомерное (насилие, издевательства и иное поведение, противоречащее нормам права)¹.

3. Признаки, характеризующие состояние потерпевшего в момент совершения преступления (например, во многих составах преступлений закрепляется беспомощное состояние потерпевшего, состояние болезни и т.д.).

В научной литературе также предлагается классификация признаков потерпевшего по тому вреду, который причинен (физический, имущественный, моральный)². Не оспаривая возможности такого деления, полагаем, что в большей степени оно относится не к характеристике потерпевшего, а к преступному вреду.

Такой элемент состава преступления, как объективная сторона, отражает внешнюю характеристику преступного деяния.

Понимание объективной стороны состава преступления также менялось с течением времени. Так, в начале XX в. понимание данного элемента имело особую специфику, соединяя в себе внешнюю и внутреннюю характеристику³.

Полагаем, что совершаемое деяние всегда сопровождается субъективной составляющей. Однако в познавательных целях объективная и субъективная стороны разделяются, а основной акцент делается на сущности того элемента, который изучается в отрыве от других. Соответственно, когда мы рассматриваем деяние не как поступок человека, а как отдельно взятое действие (бездействие), то включение в него субъективной составляющей лишь привнесёт проблемы понимания.

¹ В научной литературе к числу признаков, характеризующих поведение, относится согласие на причинение вреда. См.: Потерпевший от преступления. С. 23. Однако такое поведение больше относится к вопросам Общей части (например, обстоятельствам, исключающим преступность деяния, наказания), поэтому в рамках состава преступления нами рассматриваться не будет.

² См.: Потерпевший от преступления. С. 24.

³ См.: Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948. С. 39; Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 186. Например, Н.Д. Сергеевский указывал: «условия преступности, лежащие в действии, могут заключаться в его внутренней стороне, а также во внешней стороне». См.: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. С. 259.

Обязательным признаком объективной стороны выступает деяние, способное проявляться в форме действия (*delictum comissionis*), бездействия (*delictum omissionis*)¹ либо в варианте их сочетания.

Следует отметить, что в настоящее время в научном сообществе устоялось мнение о том, что объективная сторона есть характеристика самого деяния. Однако механизм совершения деяния не ограничивается только совершением действия или бездействия, а включает в себя еще и иные стадии (например, планирование). Соответственно, возникает вопрос: включается ли данная деятельность в содержание объективной стороны?

Думается, по общему правилу конструкция состава преступления охватывает только стадию исполнения преступного деяния. Однако в отдельных случаях самостоятельными преступлениями могут признаваться и действия по планированию. И тогда планирование по воле законодателя превращается в исполнение деяния.

Несмотря на то, что понятие действия отсутствует, его характеристика может быть осуществлена на основе реально совершаемого поведенческого акта.

Деяние есть активное поведение лица, в зависимости от сложности подразделяющееся на уровни совокупности телодвижений, операций или деятельности, а по форме внешнего выражения – на физическое и информационное.

А.П. Козлов выделяет 3 вида действия: действие-исполнение (это действие по причинению вреда), действие-способ и действие по созданию способа².

Столь масштабное деление видов действия в рамках исследования объективной стороны состава преступления, думается, излишне по следующим причинам. Исследователя, анализирующего объективную сторону состава, фактически интересует действие по исполнению преступления и его описание в нормах закона. Действие по созданию способа более касается иной проблемы – этапов совершения преступного деяния (в нашей интерпретации – механизм преступного деяния). Дей-

¹ Об этом говорил еще Н.Д. Сергеевский. См.: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. С. 286; См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 184-185.

² См.: Козлов А.П. Понятие преступления. С. 201.

ствие-способ, несмотря на очевидную схожесть, нуждается в размежевании, поскольку действие отвечает на вопрос – что совершается, а способ – как, какими приемами и методами. Поэтому в дальнейшей части исследования при употреблении термина «деяние» имеется в виду активное поведение по причинению вреда.

Бездействие есть невыполнение лицом действия, которое оно должно было и имело возможность совершить.

Действие и бездействие в конструкции состава наделяются конкретными признаками, позволяющими идентифицировать запрещаемое поведение.

Не отличаются простотой понимания и преступные последствия как признак объективной стороны, что связано со сложностями понимания их правовой природы, обязательностью наступления и влиянием на момент окончания преступления.

Правовая природа преступных последствий заключается в следующем: последствие есть результат совершения преступного деяния, под которым понимаются вредные изменения в общественных отношениях. Таким образом, наиболее полным будет представление последствий с точки зрения двуединой правовой природы. Так, результат демонстрирует связь с деянием, а вред – с объектом преступления, отображая причиненные ему изменения¹.

Вред общественным отношениям имеет большое криминальное значение в связи с тем, что его наступление ведет к окончанию преступления.

Весьма сложной проблемой выступает обязательность преступных последствий в составе преступления.

В научной литературе приводится два противоположных мнения, первое из которых предполагает необязательность последствий в определенных составах (к примеру, оставление в опасности)²; второе же

¹ А.П. Козлов вообще приходит к выводу о триедином характере последствий: как последствие действия, как внешнее воздействие на объект (вред) и как внутренняя деформация объекта (ущерб). См.: Козлов А.П. Понятие преступления. С. 275.

² Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 134.

провозглашает обязательность последствий (аргументацией выступает связь последствий с объектом)¹.

Однозначный ответ на данную проблему следует из деления последствий на фактические и юридические, которые могут не совпадать в конструкции состава преступления. Иначе говоря, те последствия, которые всегда наступают от совершаемого в реальности деяния (фактические), могут вводиться в конструкцию состава преступления и получать самостоятельное воплощение в виде признака (т.е. становятся юридическими) только по усмотрению законодателя не во всех конструкциях. Поэтому последствия есть лишь факультативный признак объективной стороны.

При этом законодатель вправе объявить деяние преступным на любой стадии механизма его совершения, даже не дожидаясь наступления стадии преступного результата. В связи с чем в научной литературе существуют позиции относительно деления последствий на реальный вред и опасность такого вреда (возможный)². Объяснение таких воззрений кроется в стремлении ученых наделить состав преступления обязательностью наступления последствий путем искусственного выделения возможного вреда. Однако, по нашему мнению, возможность не есть действительность, следовательно, отсутствуют основания для расширения границ преступных последствий.

Вопрос об обязательности (необязательности) преступных последствий находится в неразрывной связи с моментом окончания преступления.

¹ См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 191. Н.Д. Дурманов вообще утверждает, что «при конструкции составов преступлений без включения в них последствий, состав преступления будет налицо и тогда, когда ни малейшего ущерба объекту не причинено»¹. См.: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 40. Данная позиция верна лишь в тех случаях, когда законодатель объявляет преступными стадии механизма, которые еще не связаны с исполнением деяния. В остальных же случаях совершение деяния уже нарушает охраняемые законом общественные отношения, поэтому той ситуации, когда деяние произошло, а последствия (в том числе не закрепленные в конструкции состава преступления) не наступили, существовать не может.

² См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Общая часть. Т. 1. С. 279-281; Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 194, 200; Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий. М., 1958. С. 20.

Законодатель вправе варьировать юридический момент окончания преступления, передвигая его по оси механизма преступного деяния путем признания преступления оконченным на отдельно избранной стадии механизма. Таким образом, очевидна неразрывная связь между стадиями механизма и конструкцией состава оконченного преступления.

При этом многовариативность установления юридического момента окончания преступления приводит к необходимости разработки классификации видов конструкций составов оконченного преступления, т.е. моделей¹, в которых находит отражение момент окончания преступления.

Конструкции состава оконченного преступления являются моделями, в которых находит отражение юридический момент окончания преступления, установленный законодателем на определенной стадии механизма преступного деяния. Каждая конструкция состава оконченного преступления отличается от остальных особенностями момента окончания.

Моделирование представляет собой сложный процесс, в связи с чем целесообразно его осуществление разделить на определенные этапы.

На первом этапе законодателю следует проанализировать общественно опасное деяние, которое объявляется преступным, с целью определения его типичных черт, особенностей этапов осуществления и т.д. Совокупные знания о запрещаемом деянии должны составлять основу будущей модели.

На втором этапе законодатель должен выбрать те признаки, которые для данного деяния будут признаваться обязательными. При этом, несмотря на то, что в общей теории состава преступления признаки подразделяются на обязательные и факультативные, и отдельные признаки выступают необходимыми для любого состава преступления независимо от вида, на данном этапе определяется не только их количество, но и содержание всех признаков, которые будут включаться в конструкцию.

Таким образом, второй этап предполагает решение следующих вопросов:

– для признаков, являющихся обязательными применительно ко всем составам преступлений, – определяются их содержание и форма.

¹ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 57.

В частности, законодатель избирает вид деяния, уровень поведения, для него характерный; форму вины; минимальный возраст уголовной ответственности (хотя возрастной порог отражается не в каждом составе, а в общей норме (в УК РФ это ст. 20) данный вопрос выступает обязательным при моделировании состава преступления);

– для факультативных признаков – решается необходимость включения в конструкцию конкретного состава преступления, а также определяется их содержание.

Полагаем, что отбор факультативных признаков представляет особую сложность, поскольку само содержание данных признаков четко не определено даже применительно к общей теории состава преступления (например, понимание предмета преступления, обстановки, средств и орудий нельзя отнести к числу единообразных); к тому же, как уже отмечалось, отсутствуют критерии признания данных признаков обязательными. Вместе с тем необходимо помнить, что включение любого факультативного признака в конструкцию создаст дополнительные условия при привлечении к уголовной ответственности и квалификации деяния по данной норме. Именно поэтому в этой части следует проводить комплексные исследования содержательной характеристики факультативных признаков, а также разработку критериев необходимости их введения в состав.

В результате деятельности законодателя на данном этапе оказываются отобранными все обязательные признаки будущего состава преступления, а также определено содержание элементов.

Третьим этапом моделирования состава преступления является юридическое выражение каждого признака в создаваемой конструкции. Именно в данном блоке, руководствуясь правилами законодательной техники, состав преступления получает завершенную форму, которая в последующем получит свое закрепление в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

При этом осуществление каждого этапа должно сопровождаться обязательным обращением законодателя к анализу общественно опасного деяния-оригиналу и механизму его осуществления.

Таким образом, теория состава преступления, соединенная с особенностями конкретно совершаемого деяния определенного вида, должна выступать основой для моделирования состава преступления. Однако наличие проблем понимания отдельных элементов и признаков, отсутствие четкой классификации составов требует своего восполнения с целью построения унифицированных конструкций.

Глава 2. Тенденции моделирования составов преступлений в уголовном законе РФ

При анализе действующего законодательства очевидно отсутствие четкого представления об объекте, а сама категория общественных отношений в действующем УК РФ не используется. Полагаем, подобный подход оставляет неразрешенной проблему объекта преступления, а также сложности в его понимании и установлении.

При этом, анализируя названия разделов и глав Особенной части УК РФ, можно получить представление о том, какие ценности охраняются данной совокупностью предписаний закона.

В уголовном законе РФ весьма обширен сам перечень отношений, подпадающих под юрисдикцию уголовного закона.

Приоритетным объектом уголовно-правовой охраны является человек, что вытекает не только из ст. 2 Конституции РФ, но и из ст. 2 УК РФ, в которой охрана личности определена на первом месте.

Возможно, именно поэтому составы большинства преступлений, в которых причиняется вред личности, содержат общественно опасные последствия (в основном либо квалифицированном составе).

Однако обособление отдельных объектов в специально выделенные главы УК РФ представляется недостаточно обоснованным. Например, гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» вполне может раствориться в преступлениях в сфере экономической деятельности, собственности и т.д. без ущерба для охраны данных общественных отношений.

Еще одним отличительным аспектом современной системы преступлений выступает выделение в рамках одного объекта различных сфер проявления охраняемых общественных отношений, с обособлением деяний, посягающих на такие отношения в специальные виды преступлений. Например, из общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) выделены 5 разновидностей, отличающихся сферой совершенных действий (ст. 159.1-159.6 УК РФ).

Следует оценить подобное решение законодателя с негативной стороны, поскольку наличие множественных специальных составов дестабилизирует судебную практику, создает сложности в отграничении данных деяний между собой.

По нашему мнению, круг общественных отношений, охраняемых уголовным законодательством, в дальнейшем будет расширяться, что

объясняется проникновением преступных проявлений в различные сферы жизни.

При этом достаточно удачным приемом законодательной техники выступает указание на охраняемое общественное отношение в названиях разделов и глав уголовного закона, поскольку в этом случае создается четкость в понимании объекта преступления.

В структуру многих составов включается предмет преступления, что объясняется его материальной оболочкой, способностью отражать ту ценность (благо), которую составляет соответствующий объект преступления.

Если в российском уголовном законе предмет – это вещи, информация, права, то в зарубежных законах могут быть и иные предметы.

Полагаем, что чрезмерное расширение круга предметов преступления, с включением в их число тех разновидностей, которые имеют нематериальный характер, создаст проблемы в правоприменительной деятельности.

В юридической литературе отмечается, что право имеет безличный характер¹, т.е. охраняет права и интересы всех граждан, безадресно. Именно поэтому такой признак, как потерпевший от преступления, вводится в число обязательных при создании конкретной конструкции достаточно редко (29 составов преступлений, что составляет 7,9%).

Что касается объективной стороны состава преступления, то следует отметить, что российский уголовный закон в большинстве случаев не содержит указания на возможные формы деяния и этот вывод правоприменитель делает исходя из толкования закона.

В отдельных случаях законодатель указывает на возможную форму деяния, но это касается только активного поведения. Например, в составе террористического акта (ст. 205 УК РФ) описаны формы поведения в виде взрыва, поджога и *иных действий*.

Указание на преступное бездействие как возможную форму поведения в УК РФ отсутствует. Вместо этого используются формулировки «неисполнение» (ст. 156, 293 УК РФ), «неоказание» (ст. 124 УК РФ).

В литературе уголовного права XVIII-XIX вв. большое распространение получало бездействие. Это ярко проявлялось в афоризме: *Qui potuit hominem liberare morte et non liberavit umoccidit* («Кто мог освободить человека от смерти и не сделал этого, тот его убил»).

Трудно представить, что преступление может совершаться только путем одного телодвижения, поэтому данный уровень нельзя встретить

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 49.

в конструкциях составов преступлений, закрепленных в Особенной части. И наоборот, большинство преступлений представляют собой совокупность телодвижений¹ (иначе говоря, действия) и совокупность действий (т.е. операции), что предопределяет особенности их конструирования.

По замечанию В.Н. Кудрявцева, «если уровень деятельности слишком “высок” для отдельной нормы права, то уровень телодвижения, как правило, слишком “низок”. Телодвижения если и регламентируются, то главным образом техническими нормами»². Полностью соглашаясь с В.Н. Кудрявцевым относительно закрепления в уголовном законе уровня телодвижения, следует сделать отдельные критические замечания по поводу уровня деятельности. Все дело в том, что преступность с течением времени приобретает все более сложные, организованные формы, поэтому все чаще вводимые в уголовный закон составы преступлений отражают именно уровень деятельности (например, создание экстремистской организации, организация экстремистского сообщества и т.д.).

Таким образом, большинство составов преступлений, содержащихся в Особенной части УК РФ, характеризуются таким уровнем преступного поведения, как действие, т.е. состоят из нескольких телодвижений. Применяется также и уровень операции, однако он характерен только для тех преступлений, которые имеют более сложную структуру.

Анализ УК РФ позволяет распределить преступления по уровням преступного поведения.

Таблица 1

**Уровни преступного поведения в составах преступлений,
закрепленных в Особенной части УК РФ**

Составы преступлений, закрепленные в Особенной части УК РФ	Телодвижения	Действия	Операция	Деятельность
Преступления против жизни		ст. 105-109 УК РФ	ст. 110	

¹ Телодвижение во внешнем плане представляет собой определенное перемещение тела в целом или его органов (рук, ног, головы и т.д.). См.: Плотников А.И. Объективное и субъективное в преступлении. М., 2011. С. 10.

² Кудрявцев В.Н. Право и поведение. С. 27-28.

Преступления против здоровья		ст. 111-115, 118-119, 121-123 УК РФ	ст. 116-117, 120 УК РФ	
Преступления против свободы, чести и достоинства		ст. 127.1-128.1 УК РФ	ст. 126-127 УК РФ	
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности		ст. 133-135 УК РФ	ст. 131-132 УК РФ	
Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина		ст. 136-142.1, 144-149 УК РФ		
Преступления против семьи и несовершеннолетних		ст. 150, 153-155, 157 УК РФ	ст. 151-151.1, 156 УК РФ	
Преступления против собственности		ст. 158-162, 164-168 УК РФ	ст. 158.1, 163 УК РФ	
Преступления в сфере экономической деятельности		ст. 169-174, 175, 177-179, 181, 184-187, 189, 191-191.1, 193.1, 195-196, 199.2, 200.1 УК РФ	ст. 174.1, 176, 180, 183 УК РФ	
Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях		ст. 201-204 УК РФ		
Преступления против общественной безопасности		ст. 205-205.2, 206-207, 211, 214-215.3, 217.2, 220-227 УК РФ	ст. 205.3, 212.1, 213 УК РФ	ст. 205.4-205.5, 208-210, 212 УК РФ
Преступления против здоровья населения и общественной нравственности		ст. 228-231, 233-235.1, 237-238.1, 240-240.1, 242-245 УК РФ		ст. 232, 239, 241 УК РФ
Экологические преступления		ст. 246-262 УК РФ		

Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта		ст. 263-264, 266-269, 271-271.1 УК РФ	ст. 264.1 УК РФ	
Преступления в сфере компьютерной информации		ст. 272-274 УК РФ		
Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства		ст. 275-278, 280-282, 282.3-284 УК РФ		ст. 279, 282.1-282.2 УК РФ
Преступления против государственной службы		ст. 285-286, 287-293 УК РФ		
Преступления против правосудия		ст. 294-316 УК РФ		
Преступления против порядка управления		ст. 317-322, 322.2-330 УК РФ		
Преступления против военной службы		ст. 333-352 УК РФ		
Преступления против мира и безопасности человечества		ст. 354-360 УК РФ	ст. 353 УК РФ	

Интересен и тот факт, что в УК РФ термин «деятельность» фактически не используется.

Помимо преступного деяния, обязательными признаками объективной стороны могут выступать преступные последствия, с которыми законодатель вправе связать момент окончания преступления.

В российском уголовном законе имеют место различные виды конструкций по моменту окончания преступления.

При этом материальные составы распространены в преступлениях против жизни и здоровья, собственности, интересов государственной власти.

Имеет место в российском законе и состав, объявляющий преступление оконченным с момента совершения preparatory действий. Например, состав организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) устанавливает в качестве оконченного преступления само объединение людей в группу независимо от того, совершены ли ее членами какие-либо запланированные преступления.

Большинство преступлений в виде операции (в т.ч. и преступления с административной преюдицией) сконструированы по типу формального состава, а юридический момент окончания связывается с моментом совершения деяния как составной части стадии исполнения. Так, из 22 конструкция формального состава использована в 21 (95,5%) и 1 состав имеет конструкцию «планирования».

В свою очередь составы, в которых деяние характеризуется наиболее сложным уровнем — деятельностью, отличаются единообразием используемых конструкций (а таких составов в УК РФ насчитывается всего 13). В частности, во всех составах законодателем используется конструкция состава «планирования», согласно которой преступление считается оконченным уже на стадии планирования¹. Следует отметить, что подобное законодательное решение, признающее планирование оконченным преступлением, используется только в 14 составах преступлений (это составляет 4,5%)².

Кроме того, теория состава преступления предполагает, что в случае использования конструкции материального состава преступления обязательным признаком объективной стороны выступает причинная связь. При этом, несмотря на важность ее установления, в российском законе не содержится нормы, предусматривающей какие-либо определения и правила.

Законодательная воля к определению момента окончания преступления может существенно меняться. Так, И.Я. Фойницкий, описывая момент окончания убийства, подчеркивает, что признание убийства оконченным с момента наступления смерти относится и к отравлению, «которое по прежней доктрине считалось оконченным с момента введения в организм жертвы ядовитых веществ»³.

¹ Основания такого законодательного решения будут рассмотрены в 3 и 4 главах.

² При выборке составов преступлений, в которых стадия планирования образует оконченное преступление, следует иметь в виду, что только в составе планирования агрессивной войны законодатель напрямую указывает на стадию планирования. В остальных составах вывод о переносе оконченного преступления на стадию планирования необходимо основывать на описании подготовительных действий в виде изготовления, приискания, приспособления средств и орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор и т.д., образующих данную стадию.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. С.-Петербург, 1901. С. 31.

Изменение в понимании момента окончания становится очевидным и в сравнении ранее действующих норм с современными. Например, насильственное завладение (ст. 1601 Уложения), которое, по своей сути, напоминает действующее понятие разбоя, за исключением предмета преступления, ограниченного только недвижимостью, признавалось оконченным только с момента завладения¹.

Анализ конструкций составов в зависимости от стадий механизма умышленного преступления можно представить в виде таблицы (табл. 2)².

Таблица 2

Распределение преступлений, закрепленных в Особенной части УК РФ по группам в зависимости от стадий механизма преступного деяния, избранных законодателем в качестве оконченного преступления

Стадии механизма, выбранные в качестве оконченного умышленного преступления	Нормы Особенной части УК РФ
Планирование (состав «планирования»)	ст. 205.4-205.5, 208-210, 212, 222-223.1, 239, 279, 282.1.-282.2, 353, 355 ³

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. С. 303-304.

² Учитывая, что определение конструкций отдельных составов представляет сложности, вызванные недостатками регламентации момента окончания преступления в уголовном законе, данное распределение составов в зависимости от используемой конструкции отражает индивидуальную точку зрения автора. Например, в научной литературе неоднозначно определяется конструкция состава побоев, истязания и других преступлений. Данная дискуссия нами умышленно не затрагивается, поскольку рассмотрение каждого отдельного преступления может составлять предмет отдельного научного исследования. В рамках же данной работы преследуется цель выработки общей концепции конструирования составов и регламентации момента окончания.

³ В научной литературе большинство из этих составов относятся к числу усеченных. Однако это нельзя признать верным, поскольку усеченный состав предполагает перенос момента окончания преступления на начало совершения деяния (иначе говоря, на начало стадии исполнения). В представленных же составах оконченными признаются отдельные подготовительные действия (например, подбор соучастников, сговор, изготовление оружия и т.д.).

Исполнение преступления: на этапе совершения действий (бездей- ствия) (формальный состав)	ст. 116, 119-121, 123, 126-128.1, 131- 135, 136-139, 141-142.1, 144-145.1, 148-151.1, 153-157, 163, 166, 169- 172.1, 173.2, 174-177, 181, 183-184, 185.5, 186-187, 189-191.1, 192-193.1, 194, 198-200.2, 204, 205.1-205.3, 206- 207, 211, 212.1, 213-214, 215.2, 220- 222.1, 226-226.1, 228-228.1, 228.3- 228.4, 229-229.1, 230-234.1, 235.1, 237-238.1, 240-240.1, 241-243, 243.3, 244, 252-253, 258.1, 260-261, 264.1, 270, 271, 273, 275, 277, 278, 280, 280.1, 281-282, 282.3, 283-283.1, 284.1, 285.1-285.3, 286.1, 287, 290- 292, 294, 296-297, 298.1, 299-303, 305-329, 330.1-330.2, 333-339, 346, 354-354.1, 356, 359
на этапе начала совершения действий (усеченный состав)	ст. 162, 227, 277, 295, 304, 317, 360
на этапе наступления результата (мате- риальный состав)	ст. 105-108, 111-115, 118, 122, 125, 140, 143, 146-147, 158-161, 164-165, 167, 170.2, 173.1, 185-185.2, 195-197, 201-203, 215.1, 216-219, 224-225, 228.2, 235-236, 243.1-243.2, 245-246, 248-251, 254-255, 257, 259, 262-264, 266-269, 271.1, 272, 274 ¹ , 284-286, 288, 292.1, 293, 330, 332, 342-344, 347-352
на различных этапах механизма пре- ступного деяния (состав с альтернатив- ными конструкциями)	ст. 110, 117, 171, 172, 178, 180, 185.3, 185.4, 185.6, 204.1, 215.2, 217, 217.2, 239, 241, 256, 258, 323, 325, 326, 333, 341, 357, 358

Конструкция материального состава является превалирующей в неосторожных преступлениях, хотя еще П.С. Дагель верно указывал на возможность ее использования в составах неосторожных преступлений и конструкций, не включающих преступные последствия (при абстрактной или реальной опасности наступления последствий)².

¹ Состав с двумя последствиями.

² Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С. 126.

Если проанализировать УК РФ, то с очевидностью прослеживается приоритет использования конструкций, не связанных с обязательным установлением преступных последствий (их доля составляет 73,3% – 249 составов). Доля же использования конструкции материального состава сравнительно невелика и составляет 26,7% (91 состав).

Различие в конструкциях явно наблюдается при сравнительной характеристике отдельных преступлений. Например, геноцид (ст. 357 УК РФ) предусматривает убийство членов группы по признаку расы, национальности (и в этой части используется материальная конструкция состава), а в УК Франции это деяние, имеющее целью полное или частичное уничтожение группы путем умышленного посягательства на жизнь, на физическую или психическую неприкосновенность. Очевидно, что материальная конструкция не используется. Как альтернатива предусматривается состав опасности: «Создание таких условий существования группы, которые способны повлечь уничтожение»¹.

Преступные последствия бездействия, отраженные в уголовном законе, чаще всего выражаются в наступлении вредного результата. Например, большинство закрепленных в УК РФ неосторожных преступлений содержат именно физический вред².

Хотя в последние годы наблюдается принципиально новый подход к последствиям бездействия, состоящий во включении таких последствий, как ненаступление необходимого результата (например, ст. 332 – неисполнение приказа начальника, повлекшее срыв военного мероприятия; ст. 237 и т.д.).

Римские юристы особое место отводили способу совершения преступления, обосновывая данную позицию тем обстоятельством, что все преступления учиняются или насилием (*vis*), или обманом (*fraus*)³.

На самом деле, анализ современного законодательства показывает распространенность включения такого способа, как насилие, в различные составы преступлений. В частности, в действующей редакции УК РФ насчитывается 115 составов, в которых насилие есть способ совершения преступления. Однако ограничивать способы исключительно двумя раз-

¹ Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крыловой. СПб., 2002. С. 165.

² Вывод о том, что 2/3 физического вреда причиняется в результате неосторожности, был представлен в работе П.С. Дагеля. См.: Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. С. 23.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. С. 3.

новидностями не совсем верно, поскольку их разнообразие выходит за рамки представленных.

Временной отрезок употребляется в действующем УК РФ в двух смыслах:

1. Продолжительность (длительность), которая может в законе не иметь точной величины (например, дезертирство);
2. Определенный период времени, в который происходит что-либо (например, во время родов).

В зависимости от конкретизации длительности срока бездействия все деяния преступления можно разделить на 2 группы: а) ограниченные в законе определенным сроком (например, самовольное оставление части); б) законодательно не связанные с каким-либо сроком (укрывательство, уклонение от уплаты алиментов и др.)¹.

Место употребляется в российском законе в 3 аспектах:

- 1) деяние совершается в определенном месте (п. «а» ч. 3 ст. 158);
- 2) оставление какого-либо места;
- 3) посягательство на определенное место (ст. 323).

Что касается закрепления субъекта преступления в конструкции состава, то анализ уголовного законодательства РФ и зарубежных государств показывает общность в расположении признаков, его характеризующих, в нормах Общей части (с той лишь разницей, что по сравнению с российским законом в зарубежных государствах широко распространена теория ответственности юридических лиц (корпораций, ассоциаций, юридических лиц)). В конкретных составах преступлений могут отражаться специальные признаки, предъявляющие дополнительные требования к лицу, совершившему преступление.

Наибольшее распространение такие признаки получили в должностных преступлениях, против правосудия, экономических и т.д.

В науке уголовного права распространено мнение, что указание на специального субъекта является выражением тенденции, направленной на сужение уголовной репрессии².

Однако, как указывает А.П. Козлов, в данной ситуации речь идет о более широкой криминализации, чем бы этого требовал общий субъект³.

¹ См.: Насимов Г.А. Неоконченное преступление. М., 2009. С. 43.

² Курс уголовного права / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. Т. 1. М., 1999. С. 285.

³ Козлов А.П. Понятие преступления. С. 501.

В действующем УК РФ специальные субъекты наиболее распространены в следующих группах преступлений:

1) должностные (при этом даже в рамках гл. 30 УК РФ предусмотрены различные специальные субъекты, в числе которых должностные лица и служащие, не являющиеся таковыми¹).

В этой части интересен тот факт, что, по УК Бельгии, коррупционные преступления могут совершаться не только должностными лицами, но и частными (администраторы, управляющие и т.д.)²;

2) воинские (совершаются только военнослужащими, о чем прямо говорится в понятии данных преступлений (ст. 331 УК РФ);

3) преступления, дезорганизующие нормальную работу транспорта.

Большинство преступлений, закрепленных по УК РФ, предусматривают умышленную форму вины (321 преступление, что составляет 88%). При этом составов, предусматривающих исключительно косвенный умысел, в законе не существует.

Соотношение умышленных и неосторожных преступлений постепенно меняется за счет увеличения количества последних. Если в УК РФ 1926 г. насчитывалось 7 составов, в 1960 г. – 24 состава, в 1978 г. – 36 составов³, а в 2020 г. – 44.

Анализ российского уголовного закона показывает, что конкретизация разновидностей вины осуществляется двумя основными способами:

1. Прямое указание на форму вины.

Например, в ст. 105 Уголовного кодекса РФ законодатель четко указывает на необходимость совершения действий только с умышленной формой вины.

Аналогичным образом фактически всегда имеется указание на неосторожную форму (либо в названии статьи, либо в самой диспозиции).

2. Опосредованное отражение отношения виновного к совершаемому деянию.

В принципе, оба способа указания на возможную форму вины следует признать перспективными, т.к. использование подобных приемов конструирования нивелирует сложности толкования субъективной стороны.

¹ На это обстоятельство указывал еще В.С. Орлов. См.: Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 160.

² Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. Н.И. Мацнева. СПб., 2004. С. 314.

³ Ворошилин Е.В., Кригер Г.А. Субъективная сторона преступления. М., 1987. С. 43.

Что касается мотивов совершения преступления, то соотношение выделенных в психологии потребностей и составов преступлений, закрепленных в Уголовном кодексе РФ, позволяет выделить ряд закономерностей. Элементарные биологические потребности не могут выступать мотивом совершения преступления. По мнению В.Н. Кудрявцева, это объясняется тем, что «общество через многообразные социальные институты в полной мере удовлетворяет эти потребности; главное же состоит в том, что у современного человека биологические потребности уже почти не проявляются»¹.

Наиболее характерными для различных преступлений являются материальные потребности, которые характерны не только для преступлений против собственности, но и преступлений против жизни и здоровья, государственной власти и т.д. Однако следует отметить, что в конструкции составов корыстный мотив вводится не всегда (например, даже в преступлениях против собственности указывается не корыстный мотив, а корыстная цель).

Наконец высшие потребности – в творчестве, социальной активности, а также потребности мировоззренческие – не проявляются в преступлениях, поскольку связаны с социально значимым поведением.

В действующем законодательстве сравнительно немного конструкций составов, в которые включены мотив и цель в качестве обязательного признака основного состава. Такое положение вполне закономерно и обоснованно, поскольку любое указание на мотив и (или) цель ограничивает сферу наказуемости, поэтому наиболее часто данные признаки указываются в квалифицированном составе.

¹ Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 167.

Глава 3. Особенности построения составов преступлений в уголовных законах зарубежных государств

Несмотря на то, что конструкции составов преступлений используются для создания уголовного закона не только в России, но и в зарубежном законодательстве, особенности правовой системы того или иного государства придают используемым видам особую уникальность. В связи с чем целесообразно проведение сравнительного исследования уголовных законов зарубежных государств с целью заимствования опыта закрепления преступлений.

При этом следует указать на то, что теория состава преступления (изложенная в главе 1) в каждом государстве может иметь отличительные черты. Однако для понимания правил создания составов преступления нами будет использоваться четырехзвенное деление состава: на объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону, – которое в настоящее время признается традиционным.

В Законе об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран¹ в Общих положениях содержится понятие преступления (ст. 2), в котором основным признаком выступает противоправность, т.е. запрещенность деяния законом. При этом понятие состава преступления и любые упоминания об элементах, его образующих, отсутствуют.

Конкретные формы преступных деяний закреплены в части II «Нормированные наказания». При этом следует отметить, что в отличие от УК РФ в данном законе в названиях частей, разделов не упоминается объект преступления, а называется само деяние (например, прелюбодеяние, кража и т.д.).

То, на что посягает конкретное деяние, можно уяснить только путем анализа диспозиций статей. Исключение составляет глава 7 – вооруженное посягательство *на общественный порядок* и часть V – преступления против внутренней и внешней безопасности страны, в которых четко назван объект.

Интересен также тот факт, что отношения в сфере половой неприкосновенности и половой свободы личности в данном законе закреплены в первостепенном порядке. А преступления, посягающие на жизнь, следуют в части III, даже после преступлений против собственности.

В отдельных нормах достаточно сложно определить, какие отношения находятся под охраной закона. Например, в ст. 165 предусматривается

¹ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / науч. ред. А.И. Ахани. СПб., 2008.

ответственность за употребление алкоголя. Можно предположить, что таким образом охраняется общественный порядок, сохраняются религиозные догмы. Однако четко определить объект преступления все же достаточно затруднительно.

Предмет преступления также закрепляется в конструкциях составов. Например, в ст. 165 – это алкоголь, ст. 494 – мертвое тело, ст. 518 – поддельные монеты, раздел VI – печати и пломбы.

Потерпевшими от преступления могут выступать не только лица, уже родившиеся, но и эмбрионы (гл. 12).

Конструкции усеченного состава в рассматриваемом законе имеют распространение. Например, ст. 135 закрепляет в качестве оконченного преступления *действия, направленные на установление связей*, а ст. 516 – покушение на жизнь государственных деятелей.

Материальные составы – только в преступлениях против жизни и здоровья.

При этом интерес представляет выделение отдельных составов в зависимости от того, какие последствия наступили – повреждение языка (ст. 396), 28 зубов (ст. 403), ногтей (ст. 429) и т.д. Если сравнивать данные составы с преступлениями против здоровья в российском законе, наблюдается более широкий перечень возможных последствий (например, нарушение умственных способностей, обоняния, вкусовых качеств).

Среди факультативных признаков объективной стороны наиболее часто используются в конструкциях: орудия (ст. 183), способ (ст. 197 – тайное хищение).

Имеется закрепление признаков специального субъекта. Так, например, в ст. 108, 127 определены признаки половой принадлежности, ст. 570 – должностное положение.

Субъективная сторона чаще всего представлена умышленной формой вины. При этом прямое указание на форму вины существует только в отдельных статьях (например, ст. 205 – умышленное убийство). В остальных случаях вывод о субъективных признаках необходимо осуществлять исходя из диспозиции статьи.

Интересен также тот факт, что, помимо умышленной формы вины, выделяется квазиумышленная (ст. 204).

Неосторожные деяния закрепляются в единичных случаях (например, раздел 29 – нарушение правил дорожной безопасности).

В отдельных составах имеется указание на цель (ст. 183: цель – устрашение населения).

Не содержатся понятия преступления и состава преступления в УК Голландии¹. Хотя в книге 1 закрепляются Общие положения, но в своей основе они касаются наказания и освобождения от него.

Книга 2 содержит разнообразные конструкции составов преступлений. Перечень общественных отношений, охраняемых данным законом, схож с УК РФ. Это и безопасность государства, государственная власть, конституционные права и свободы, жизнь, свобода, нравственность и т.д.

Отличия видятся в следующих моментах:

1. Общественные отношения, регулирующиеся УК РФ, представлены в законе более обширным перечнем (например, в российском законе отдельно выделены отношения в сфере компьютерной информации, мир и т.д.).

2. Различна градация общественных отношений по степени их значимости. Так, в УК Голландии общественные отношения, охраняющие жизнь, никоим образом не отделяются от отношений, охраняющих собственность (разделы XXI и XXII).

Кроме того, усматривается непоследовательность законодателя в расположении охраняемых общественных отношений. К примеру, отношения в сфере охраны собственности упоминаются в разделах VII и XXII-XXVII.

По конструкции объективной стороны большая часть составов представлена в двух видах:

1. Усеченный состав – образован при помощи словосочетания «посягательство, совершенное с целью...». По нашему мнению, подобный прием позволяет акцентировать внимание на незавершенности выполняемых действий.

При этом данный подход предполагает указание на цель совершения деяния и усиление в составе субъективных признаков. Такая тенденция имеет негативную окраску, поскольку наличие специального мотива (либо цели) создает дополнительные трудности в доказывании.

В качестве примера можно привести ст. 92 «Посягательство, совершенное с целью лишения жизни или свободы Короля», ст. 94 «Посягательство, совершенное с целью уничтожить или незаконно изменить конституционную форму правления» и т.д.

Наибольшее распространение данные составы получают при посягательствах на короля, государственных деятелей либо на власть.

¹ Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин. СПб., 2001.

2. Формальный состав – описание в конструкции только деяния в полном (завершенном) своем проявлении. В таких конструкциях указание на цель, которую преследует виновный, уже не распространено (хотя УК Голландии отличается многообразными примерами наличия цели). Аналогично не упоминаются преступные последствия. К примеру, это ст. 95а «Лицо, которое срывает заседание Совета Министров», ст. 98а «Лицо, которое раскрывает информацию», ст. 102 «Лицо, которое умышленно помогает врагу» и т.д.

Даже составы убийства в УК Голландии не содержат указания на преступные последствия, а описываются только путем указания на лишение жизни.

Имеются и материальные составы преступлений, обязательным признаком которых выступают преступные последствия.

При этом данные последствия имеют форму имущественного вреда (ст. 161 – разрушение компьютерного устройства, ст. 162 – разрушение сооружения для общественного транспорта) либо физического вреда (ст. 302 – тяжкие телесные повреждения).

В УК Голландии – единичные примеры составов опасности, в которых последствия хотя и указываются в законе, но фактически требуется лишь угроза их наступления. Например, ст. 296 гласит: «Лицо, которое подвергает женщину лечению, если оно знает или должно предполагать, что беременность *может быть прервана*» (курсив наш. – О.Е.).

Среди факультативных признаков распространено включение в конструкцию места совершения деяния – в преступлениях против общественной нравственности (раздел XIV), а также связанных с судоходством и авиацией (раздел XXIX).

В отдельных преступлениях против государственной власти имеется наличие специального субъекта (например, ст. 363, 371, 375, 379 и т.д. – публичный служащий, ст. 355 – главы министерств).

Следует указать на особенность указания в УК Голландии на неосторожную форму вины. В частности, если в УК РФ неосторожность имеет 2 формы своего воплощения (легкомыслие и небрежность), то в УК Голландии неосторожность и небрежность выступают самостоятельными проявлениями вины.

В качестве положительного момента построения законодательного материала нельзя не указать на наличие в УК Голландии раздела IX – термины и выражения, используемые в кодексе, позволяющего избегать вопросов толкования.

УК Республики Корея¹ содержит главу II «Преступление», однако понятие преступления, а тем более понятие состава преступления в законе не приводятся.

Наряду с традиционными общественными отношениями, охраняемыми уголовными законами различных государств, существуют специфические (например, гл. XIV и XVI охраняют питьевую воду).

Интересен также тот факт, что в данном законе преступления, посягающие на собственность, расположены в самом конце. В этом проявляется явное отличие от УК РФ, где охрана собственности имеет приоритетное значение и уступает только безопасности личности.

Среди факультативных признаков объекта статус обязательного чаще всего получает предмет преступления, например, гл. III «Преступления, связанные с флагом»; преступления, связанные со взрывчатыми веществами (гл. VI); преступления, связанные с опиумом (гл. XVII).

В УК Республики Корея наибольшее распространение получили формальные составы преступлений.

Интересен также тот факт, что наказуемость приготовительных действий и покушения определяется в каждом преступлении отдельно (например, ст. 89 и 90).

Материальные составы используются посредством указания на имущественный и физический вред (может быть их совокупное сочетание).

К примеру, ст. 119 «Использование взрывчатых веществ» предполагает ответственность при наступлении последствий в виде вреда здоровью или уничтожения имущества.

При создании конкретных составов преступлений законодатель в УК Республики Корея чаще всего закрепляет форму действия. Бездействие предусмотрено применительно лишь к отдельным видам преступлений (например, ст. 122 «Неисполнение обязанностей»).

Однако в ст. 129 и 133, предусматривающих ответственность за взяточничество, преступной признается иная форма – обещание получить или дать взятку. Схожий состав, только применительно к посредничеству во взяточничестве, содержится в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. При этом в российской уголовно-правовой науке признание обещания преступлением подверглось критике в связи с противоречием данной нор-

¹ Уголовный кодекс Республики Корея / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. СПб., 2004.

мы ст. 14 УК РФ, определяющей преступление только как действие или бездействие.

Получается, что законодатель Республики Корея распространил такое преступление не на посредничество, а на получение и дачу взятки. Представляется, что затруднительно дать оценку подобному решению, поскольку в УК Республики Корея отсутствует понятие преступления и, следовательно, не ясна позиция законодателя в отношении форм его проявления.

Конструкции материального состава используются в гл. XIV «Преступления, связанные с наводнениями и утилизацией воды», где в качестве преступных последствий указано разрушение строений, зданий и т.д.; гл. XV «Преступления, связанные с нарушением движения»; гл. XVI «Преступления, связанные с питьевой водой» (в данной главе преступные последствия – это приведение воды в состояние, непригодное для употребления).

В описании субъективной стороны интерес представляет отдельное указание на небрежность как самостоятельную форму вины (например, ст. 173-2 «Взрыв и подобные действия по небрежности»). А учитывая, что неосторожность в законе не упоминается, полагаем, что в представленном контексте неосторожность и небрежность выступают синонимами.

Среди иных признаков субъективной стороны чаще всего закрепляется преступная цель (например, цель выступает обязательным признаком составов преступлений, связанных с мятежом (гл. I)).

Интерес представляет ст. 287 «Похищение несовершеннолетнего ребенка», в которой закреплено наличие «дурной цели». Полагаем, что такое описание цели представляется недостаточно четким.

Несмотря на то, что УК Бельгии¹ имеет схожее строение с УК РФ (разделен на Общую и Особенную части), понятие состава преступления не содержится.

В Общей части содержится лишь понятие преступления (гл. 1), которое существенно отличается от российского и включает основной признак – наказуемость уголовно-правовыми средствами.

Особенная часть начинается с преступлений против безопасности государства. Таким образом, полагаем, что среди ценностей, которые ставятся под охрану уголовным законом, именно отношения в сфере государственной власти обладают наивысшей ценностью.

¹ Уголовный кодекс Бельгии.

В отличие от УК РФ в УК Бельгии преступления против прав, гарантированных Конституцией, располагаются в блоке преступлений против государства (в УК РФ они входят в раздел преступлений против личности); преступления против общественного порядка подразделяются в зависимости от того, кто данное благо нарушает (должностные лица или частные). Вследствие чего коррупционные преступления, злоупотребления полномочиями по УК Бельгии относятся к деяниям против общественного порядка.

Полагаем, что такой подход несколько не соответствует классификации преступлений по характеру тех отношений, на которые происходит посягательство, поскольку название «общественный порядок» предполагает систему правил и традиций человеческого общежития.

Среди особых ценностей, не свойственных российскому закону, следует отметить общественное доверие.

Среди конструкций составов преступлений, используемых законодателем, наибольшее распространение получили формальные и усеченные составы.

Так, ст. 101-104 содержат термин «посягательство на Короля и его семью», а в ст. 105 разъясняется данный термин, означающий покушение. Таким образом, эти деяния объявляются преступными уже на этапе покушения, поэтому имеют место усеченные конструкции составов.

Интересен тот факт, что в ст. 106-110 УК Бельгии вообще фактически преступной объявляется стадия приготовления, т.к. используется такая форма деяния, как заговор, образующий оконченное преступление даже при несовершении конкретных действий.

Отличительной особенностью составов, которые объявляют оконченными фактически незавершенные действия, выступает включение в данных случаях в конструкции признаков потерпевшего, а также преступной цели, к достижению которой стремится виновный.

В большинстве случаев такие конструкции находят наибольшее распространение при создании преступлений, посягающих на государство.

Преступные последствия указываются лишь в преступлениях против жизни и здоровья (ст. 392, 393).

Помимо действия, формой преступного поведения выступает и бездействие. При этом законодатель отдельно оговаривает его наказуемость (ст. 422 bis – о некотором преступном бездействии).

Отражение в норме закона субъективной стороны чаще всего не сопровождается указанием на форму вины. Иначе говоря, в тексте за-

кона не используются слова «умышленно», «неосторожно» и т.д. При этом вывод об умышленной форме вины можно сделать при оценке таких конструкций, в которых отражено намерение виновного (например, ст. 393 – с намерением причинить смерть; ст. 392 – с намерением совершить посягательство на личность и т.д.).

Более обширное по своим признакам понятие преступления содержится в УК Швейцарии¹. В частности, в ст. 1 закрепляются такие признаки преступления, как противоправность и наказуемость.

Распределение охраняемых общественных отношений в тексте закона схоже с УК РФ, а именно во главе всех благ находится личность (жизнь, здоровье).

Однако в отличие от УК РФ отсутствует деление закона на главы, т.е. не выделяется видовой объект.

Особенностью УК Швейцарии выступает использование простых диспозиций, т.е. фактически не содержится понятий. Например, ст. 111 предусматривает ответственность за умышленное убийство, закрепляя «Кто умышленно убивает...», ст. 119 – прерывание беременности («Кто прерывает беременность...»).

Такое положение вещей усложняет анализ составов преступлений. В частности, вывод о том, что убийство имеет материальный состав преступления, следует из совокупного анализа ст. 111 и 117 УК Швейцарии. В частности, в ст. 117 при использовании термина «убийство» указываются преступные последствия в виде причинения смерти.

Конструкции материальных составов распространены в преступлениях против жизни и здоровья.

Аналогично российскому закону в УК Швейцарии имеются конструкции составов опасности, в соответствии с которыми преступными объявляются деяния, содержащие в себе опасность наступления последствий (например, ст. 129 – угроза жизни).

Однако материальные составы нельзя признать распространенными. Так, даже преступления против собственности сконструированы при помощи конструкции формального состава (например, ст. 139 (кража) – «Кто изымает чужую вещь с целью присвоения...»).

Аналогично не получили распространения в УК Швейцарии усеченные составы, в соответствии с которыми объявляется оконченным деянием фактически незавершенная деятельность.

¹ Уголовный кодекс Швейцарии / вступ. ст. члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ Ю.Н. Волкова; науч. ред. А.В. Серебrenниковой. СПб., 2002.

Термин «состав преступления» закрепляется в УК Латвийской Республики¹. Так, в ст. 1 определяется, что уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении деяния, обладающего всеми признаками состава преступления.

Несмотря на использование данного термина, само понятие в рамках закона не приводится.

В статье 6 закрепляется понятие преступления, схожее с представленным в ст. 14 УК РФ. Единственное отличие заключается в том, что в УК Латвийской Республики отсутствует признак общественной опасности.

По конструкции конкретных составов преступлений данный закон также имеет много общих черт с УК РФ. В частности, используются оценочные понятия при описании преступных последствий, что в принципе не характерно для зарубежных законов. Например, в ст. 108 содержится последствие в виде существенного вреда.

Аналогично российскому закону в УК Латвийской Республики распространены материальные конструкции составов. Таким образом смоделированы преступления против жизни, здоровья, собственности, экологические и т.д.

Перечень охраняемых общественных отношений в УК Латвийской Республики выглядит достаточно традиционным, но в отличие от российского закона на первое место выдвигается охрана государства и безопасности человечества.

Отражение в законе иных элементов состава идентично УК РФ. В частности, субъект преступления обозначен в Общей части и конкретизирован путем описания специальных субъектов отдельных составов Особенной части; субъективная же сторона предполагает обязательное совершение деяния умышленно или по неосторожности, в ряде составов есть указание на мотивы и цели (например, ст. 153: цель – шантаж, мотив – корысть и т.д.).

Уголовный кодекс Республики Болгария² в ст. 9 содержит понятие преступления, которое по своим признакам идентично тому, которое закреплено в ч. 1 ст. 14 УК РФ (это признаки общественной опасности, противоправности, виновности, наказуемости).

¹ Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. А.И. Лукашова и Э.А. Саркисовой; пер. с латыш. А.И. Лукашова. СПб., 2001.

² Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А.И. Лукашова; пер. с болг. Д.В. Милушева, А.И. Лукашова. СПб., 2001.

Однако в отличие от российского закона в УК Республики Болгария в ст. 10 разъясняется понятие «общественная опасность». Учитывая, что категория общественной опасности является центральной для всего уголовного права, оказывает свое влияние не только на понимание преступления, но и на наказание, подобный подход следует признать удачным.

В свою очередь, понятие «состав преступления» УК Республики Болгария не упоминает.

В основу построения Особенной части уголовного закона положен объект преступления (в принципе, как и в РФ). Перечень охраняемых общественных отношений возглавляет государство, после чего следуют интересы личности.

Интересен тот факт, что, помимо семьи, в УК Республики Болгария выделены отношения в сфере брака и молодежи. Отдельное место в отличие от УК РФ получили отношения в сфере вероисповедания. Полагаем, гарантированность уголовно-правовыми средствами такой важной в жизни общества сферы является несомненным достоинством (к слову сказать, в УК РФ есть только отдельные нормы, охраняющие чувства верующих, а отдельного объекта не выделяется).

Еще одной особенностью УК Республики Болгария выступает отсутствие усеченных составов преступлений. Все конструкции представлены материальными или формальными составами. Иначе говоря, законодатель либо требует совершения деяния, либо еще и указывает на необходимые последствия.

Указание на форму вины в конкретных составах преступлений в большинстве случаев не приводится, данный вывод следует только из смысла закона.

В УК Австрии¹ понятие преступления растворяется в принципе «нет наказания без закона» (параграф 1). При этом отдельно оговаривается возможность проявления такого поведения в виде бездействия.

Аналогично УК РФ в исследуемом законе наивысшая ценность принадлежит правам и интересам граждан, т.к. Особенная часть начинается с преступлений против жизни и здоровья.

Преступления против жизни, здоровья сконструированы при помощи материального состава преступления. При этом в отличие от УК РФ последствия, характеризующие тот или иной вред здоровью, приво-

¹ Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. С.В. Милюкова, предисл. Генерального прокурора Австрии, доктора Эрнста Ойгена Фабрици, пер. с нем. Л.С. Вихровой. СПб., 2004.

дятся прямо в диспозиции статей (параграф 84: более 24 дней – это тяжкий вред), а не в подзаконном нормативном правовом акте.

Отличительной особенностью УК Австрии выступает отсутствие конструкций усеченных составов.

Субъективная сторона, помимо указания на необходимую форму вины, содержит дополнительные требования относительно психического отношения виновного к совершаемому деянию. Например, в параграфе 87 указан признак преднамеренности действий.

Несмотря на то, что в Уголовном кодексе Республики Сан-Марино¹ отсутствуют понятия преступления и состава преступления, интерес представляет оконченное преступление.

В частности, в ст. 24 предусмотрено понятие оконченного преступления – «когда установлен факт нанесения ущерба либо создания опасности, предусмотренный в законе как последствие состоявшегося или несостоявшегося акта поведения». Исходя из этого понятия, конструкции составов преступлений в обязательном порядке предусматривают преступные последствия (иначе говоря, имеют место материальные конструкции).

Но на самом деле не все конструкции, расположенные в Особенной части УК Республики Сан-Марино, содержат указания на последствия. В частности, встречаются и усеченные составы, объявляющие оконченным преступлением покушение. Например, ст. 153 закрепляет: «Беременная женщина, которая *пытается* вызвать искусственный аборт...» (курсив наш. – О.Е.). Термин «попытка» указывает на возможную незавершенность осуществляемых действий.

Еще один пример усеченной конструкции имеет место в том случае, когда в законе указывается на неудачность совершаемых действий. Например, в ст. 159 предусматривается ответственность за дуэль, «даже если вызов не был принят».

И, наконец, последний способ фиксации в законе усеченной конструкции – это использование термина «посягательство», содержание которого четко ориентировано на незавершенный характер действий (ст. 336 – посягательство на главу иностранного государства; ст. 337 – посягательство на Конституцию и т.д.).

¹ Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / науч. ред. вице-президента Восточно-Европейского отделения Международной академии наук Республики Сан-Марино, профессора Московского института МВД России С.В. Максимова. СПб., 2002.

Отличительной особенностью УК Республики Сан-Марино является распределение преступлений в Особенной части по форме вины. Так, в каждом разделе, объединенном общим объектом посягательства, вначале располагаются умышленные деяния, а затем – неумышленные. Такой способ расположения решает вопросы с определением формы вины того или иного деяния.

Не распространено включение в конструкции конкретных составов преступлений таких признаков, как мотив и цель, что также, по нашему мнению, обладает рациональным зерном, т.к. данные признаки создают дополнительные сложности в процессе доказывания.

Весьма ограниченный спектр охраняемых общественных отношений, по сравнению с УК РФ, представлен в УК Дании¹. Так, в отличие от российского закона не выделяется охрана таких ценностей, как экономическая деятельность, военная служба, компьютерная информация и т.д.

Из понятийного аппарата официально закреплено лишь понятие наказания (параграф 80).

Среди конструкций распространена усеченная форма, выражающаяся в формулировке «деяние, направленное на то...» (параграфы 98, 99, 105). Кроме того, усеченная конструкция представлена в сочетании с возможной формальной разновидностью состава. Например, параграф 116 закрепляет: «лицо препятствует либо пытается препятствовать проведению выборов».

Среди факультативных признаков объективной стороны многие конструкции имеют указание на способ совершения преступления в виде насилия либо угрозы.

Указание на субъективную сторону чаще всего отсутствует в диспозициях статей, либо имеется альтернативное выражение форм вины – «умышленно или по небрежности».

Наблюдается схожесть между УК РФ и УК Республики Молдова². Так, в ст. 14 (даже с одинаковой нумерацией с российским законом) закрепляется понятие преступления. Однако вместо признака обще-

¹ Уголовный кодекс Дании / науч. ред. С.С. Беляева; пер. с дат. и англ. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. СПб., 2001.

² Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. ст. А.И. Лукашова. СПб., 2003.

ственной опасности, выступающего ключевым в УК РФ, используется его содержательный аналог – вред.

Особую ценность представляет включение в УК (ст. 15) критериев определения вреда. В частности, законодатель напрямую определяет, что вред находит отражение в элементах состава преступления (объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона). Полагаем, такое положение обладает несомненной ценностью, поскольку в российском уголовном праве вопрос относительно влияния субъективных признаков на общественную опасность относится к числу дискуссионных.

Среди элементов состава преступления в УК Республики Молдова закрепляется субъект преступления (даже используется данное понятие в ст. 21).

Перечень охраняемых общественных отношений также схож с УК РФ, различие заключается в том, что такое благо, как жизнь, располагается после мира и безопасности человечества.

Рассматриваемый нормативный правовой акт отличается разнообразием конструкций. Например, конструкции преступлений против здоровья – материальные; против свободы, чести и достоинства – формальные и т.д.

В УК Швеции¹ аналогично всем рассмотренным нами законам отсутствует понятие состава преступления. Понятие преступления, хотя и закрепляется в ст. 1, однако оно имеет формальный характер, поскольку не содержит указания на признаки.

В Общей части УК Швеции определяется отражение в нормах Особенной части субъективной стороны. В частности, в ст. 2 определяется, что, если не предусмотрено иное, деяние считается умышленным.

Интересен тот факт, что в конструкциях содержится указание не только на неосторожность, но и грубую неосторожность (например, ст. 9); пренебрежительное отношение (гл. 11, ст. 3).

Не распространено в УК Швеции включение признаков специального субъекта в конструкции составов, что в принципе следует оценить положительно, т.к. подобный подход расширяет действие уголовно-правовой нормы.

Аналогично УК РФ Особенная часть начинается с охраны жизни и здоровья, т.е. указанные объекты выступают в качестве приоритетных.

¹ Уголовный кодекс Швеции / науч. ред.: проф. Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. СПб., 2001.

Большинство составов преступлений имеют формальную конструкцию. Материальные составы содержатся в преступлениях против жизни и здоровья.

Уголовный кодекс Аргентины¹ вообще не содержит понятийного аппарата.

Особое место отводится такому объекту, как семья (семейное положение), т.к. целый раздел IV, в котором несколько глав, посвящен охране указанных отношений.

В большинстве случаев используется простая диспозиция, не содержащая описания признаков. Кроме того, отсутствует наименование статей, обозначающее то или иное преступление.

Конструкции составов чаще всего не содержат указания на преступные последствия. Исключение составляют преступления против здоровья, в интерпретации УК Аргентины – телесные повреждения (гл. 2).

В УК Японии² в названии гл. 7 используется термин «состав преступления». Однако содержание данной главы показывает, что речь идет не об элементах состава, а об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (например, оборона, крайняя необходимость и т.д.).

Особенная часть определяет не только конкретные преступления, но и наказания за неоконченную деятельность и ответственность соучастников.

В основном используются конструкции формальных составов преступлений.

Материальные конструкции имеют место в преступлениях, состоящих в нарушении движения транспорта (гл. 11), причинении телесных повреждений (гл. 27).

Среди субъективных признаков распространено включение в конструкции преступной цели (например, цель имеет место в преступлениях, относящихся к внутреннему восстанию, внешним отношениям и т.д.).

В Особенной части прямо указывается неосторожная форма вины. При этом наряду с понятием неосторожности могут использоваться та-

¹ Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика; пер. с исп. Л.Д. Ройзенгурта. СПб., 2003.

² Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. СПб., 2002.

кие словосочетания, как «в силу упущения», «тяжкая неосторожность» (ст. 117-II).

Единственный уголовный закон, содержащий признаки состава преступления, – Закон об уголовном праве Израиля¹. В частности, глава алеф именуется «Объективная сторона преступления». В статье 18 описывается характеристика объективной стороны – это деяние (действие и бездействие (последняя форма имеет место, когда это прямо отражается в конструкции)) и последствие, которое причинено посредством этого деяния.

Глава бет именуется «Субъективная сторона преступления». В ней описываются формы вины в виде замысла и небрежности.

Понятие субъекта преступления в данном законе не используется; оговаривается только уголовная ответственность корпорации (глава далет).

Среди всех элементов состава в Законе об уголовном праве Израиля отсутствует упоминание об объекте преступления.

Однако регламентация всех остальных элементов в самом законе представляет несомненное достоинство. Подобную практику отражения состава преступления следует заимствовать в УК РФ.

Несмотря на то, что в теории уголовного права Германии разъясняются такие элементы преступного деяния, как состав преступления, противоправность и вина, само понятие состава в Уголовном уложении (Уголовном кодексе) не содержится².

Особенная часть закона начинается с использования конструкций, объявляющих в качестве оконченного преступления приговорительные действия (параграф 80 – «подготовка агрессивной войны»).

Материальные конструкции используются в составах нанесения телесных повреждений (параграф 223). В своей основе закрепляются конструкции формального состава преступления.

Анализ уголовного законодательства США осложнен тем обстоятельством, что каждый штат обладает собственными законами.

¹ Закон об уголовном праве Израиля / предисл., пер. с иврита: магистр права М. Дорфман; науч. ред. Н.И. Мацнев. СПб., 2005.

² Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод с текста закона. М., 2012. С. 13.

Уголовному праву США не известно понятие состава преступления¹. Однако в доктрине принято разделять элементы преступления: преступное деяние (*actus reus*) и вину (*mens rea*).

Принимая во внимание наличие Примерного УК, целесообразно обратиться к его содержанию.

Согласно данному акту, деяние – это поведение и результат, которые включены в описание запрещаемого поведения (п. 9 ст. 1.13). В научной литературе авторы пишут также о том, что обязательна причинная связь².

Однако еще раз следует подчеркнуть, что на законодательном уровне такие положения не отражены.

Уголовный кодекс Эстонии в ст. 7 закрепляет лишь понятие преступления, обладающее признаками противоправности и наказуемости³. При этом в отличие от УК РФ в ч. 2 этой же нормы оговаривается возможность конструирования преступления при помощи института административной преюдиции.

Среди объектов уголовно-правовой охраны интерес представляет выделение интеллектуальной собственности (гл. 15).

Конструкции составов разнообразны. Так, преступления против государства сконструированы по типу формальных составов, а преступления против безопасности движения, против жизни и здоровья – по типу материальных.

Таким образом, конструкции составов в УК Эстонии напоминают российский закон.

В УК Польши положения о преступлении располагаются в гл. 1 «Принципы уголовной ответственности». Причем в самом понятии содержится указание только на противоправность и наказуемость, но в ст. 1 параграфа 2 содержится положение о том, что деяние должно обладать общественной вредностью. Таким образом, можно сделать вывод об обязательности общественной опасности деяния для признания его преступным.

¹ Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007. С. 99.

² Criminal law of Kentucky, 1996-97. Banks – Baldwin law publishing Co. Cleveland, Ohio. P. 788.

³ Уголовный кодекс Эстонской республики / науч. ред. и пер. с эст. В.В. Запелова, вступ. ст. Н.И. Мацнева. СПб., 2001.

В преступлениях против государства распространено использование формальных конструкций и включение преступной цели.

В преступлениях против общественной безопасности имеются конструкции составов опасности (например, ст. 163), включающие последствия, но их наступление не обязательно. Аналогичные составы распространены в преступлениях против безопасности движения (в отличие от УК РФ, где составы материальные).

Указание на субъективную сторону может осуществляться путем использования терминов «злостно», «упорно» (ст. 218).

Заключение

Несмотря на широкое распространение понятия «состав преступления» в российской науке уголовного права, теорию его создания нельзя признать разработанной.

Моделирование состава преступления представляет собой процесс его создания и последующего закрепления в нормах уголовного закона.

Проведенное сравнительное исследование уголовного законодательства РФ и зарубежных государств показало следующее:

1. В законодательстве зарубежных государств не содержится понятие «состав преступления».

2. В уголовных кодексах зарубежных государств охране общественных отношений, обеспечивающих безопасность государства, формы правления, уделяется первостепенное значение.

3. По конструкции объективной стороны составы чаще всего не содержат указания на преступные последствия, т.е. используются формальные и усеченные виды.

4. Не используются оценочные понятия.

5. Субъективная сторона представлена не только указанием на форму вины, но и на другие признаки.

6. Признаки специального субъекта зачастую включаются в конструкции составов преступлений.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теория моделирования состава преступления: основные положения	4
Глава 2. Тенденции моделирования составов преступлений в уголовном законе РФ.....	20
Глава 3. Особенности построения составов преступлений в уголовных законах зарубежных государств.....	32
Заключение.....	49

Учебное издание

Ермакова Ольга Владимировна

**Основные тенденции моделирования составов
преступлений в уголовных законах
Российской Федерации и зарубежных государств:
сравнительно-правовой аспект**

Учебное пособие

Редактор

Ю.С. Жолобова

Корректурa,
компьютерная верстка

М.В. Егерь

Дизайн обложки

О.А. Розум

Лицензия ЛР № 0221352 от 14.07.1999 г.

Лицензия Плр № 020109 от 15.07.1999 г.

Подписано в печать 20.12.2022. Формат 60х84/16.

Ризография. Усл. п.л. 3,2. Тираж 70 экз. Заказ 632.

Барнаульский юридический институт МВД России.

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.

656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; бюи.мвд.рф.

